

Научная статья

УДК: 343.01

DOI:10.17323/2072-8166.2024.1.133.162

Социально-психологические закономерности в уголовном праве

Владимир Константинович Андрианов

Российский государственный университет правосудия, Россия 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, 69, andrianov_vk@mail.ru, [https://orcid.org / 0000-0003-2270-2145](https://orcid.org/0000-0003-2270-2145)

Аннотация

Уголовное право имеет высокоразвитый социально-психологический механизм формирования и действия, который подчиняется комплексу общих и специальных закономерностей. Они характеризуют, с одной стороны, отражение в сознании законодателя криминализационных и иных факторов, с другой — отражение в сфере человеческой психики уголовно-правовых средств, прежде всего запретов и наказаний за их нарушения, а равно обратный процесс влияния результатов этого отражения на поведение личностей. От знания, учета и использования этих социально-психологических закономерностей в правотворческой и правоприменительной деятельности зависит глубина проникновения уголовного права в психологическую сферу личности и возможность использования наиболее ценных психических качеств человека в уголовно-правовых целях, следовательно, в конечном счете, пользу функционирования уголовного права. Важность познания и использования социально-психологических закономерностей в уголовном праве объясняется также его исторически обусловленным акцентом на процессах, протекающих в психике человека (от страха перед преступностью как фактора криминализации до страха перед наказанием как сдерживающего мотива и нравственного исправления как цели наказания). Исследование основано на устоявшихся в психологии положениях о закономерностях, управляющих сознанием и деятельностью человека. Методологической основой изучения социально-психологических закономерностей в уголовном праве выступили принципы диалектического метода познания (объективности и всесторонности рассмотрения объекта, историзма, всеобщей связи явлений, системности), а также общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, описание, классификация) и частно-научные (системно-структурный, формально-логический, социологический) методы исследования. Проведенное автором исследование позволило дать определение социально-психологических закономерностей в уголовном праве, показать меха-

низм их действия и использования, а также создать инструментарий измерения их реализации. Для этого были выявлены две группы закономерностей, характеризующих социально-психологический механизм формирования и функционирования уголовного права: общие (как специфическое проявление универсальных закономерностей психической деятельности человека в сфере уголовного права) и специальные (как особые взаимосвязи массового правосознания с уголовным правотворчеством и правоприменением).

Ключевые слова

общественная психология; социально-психологические закономерности; правосознание; уголовная политика; социально-психологические основания криминализации (декриминализации); социальная эффективность уголовного права.

Для цитирования: Андрианов В.К. Социально-психологические закономерности в уголовном праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 17. № 1. С. 133–162. DOI:10.17323/2072-8166.2024.1.133.162

Research article

Socio-Psychological Patterns in the Criminal Law

Vladimir K. Andrianov

Russian State University of Justice, 69 Novocheremushkinskaya St., Moscow 117418, Russia, andrianov_vk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2270-2145>

Abstract

Contemporary criminal law has a well-developed socio-psychological mechanism of formation and action, which is subject to a set of general and special laws. They characterize, on the one hand, the reflection in the mind of the legislator of criminalization and other factors, and on the other hand, the reflection in the sphere of the psyche of people of criminal legal means, first of all, prohibitions and punishments for their violations, as well as the reverse process of the impact of the results of this reflection on people's behavior. The depth of penetration of criminal law into the psychological sphere of the individual and the possibility of using the most valuable mental qualities of a person for criminal law purposes, and, consequently, ultimately, the effectiveness of the functioning of criminal law, depends on the knowledge, consideration and use of these socio-psychological patterns in law-making and law enforcement activities. The importance of cognition and use of socio-psychological patterns in criminal law is also explained by its historically conditioned emphasis on the processes taking place in the human psyche (from fear of crime as a factor of criminalization to fear of punishment as a deterrent motive and moral correction as the goal of punishment). The work is based on the well-established provisions in psychology about the laws governing the consciousness and activity of people. The methodological basis for the study of socio-psychological patterns in criminal law were the principles of the dialectical method of cognition (objectivity and comprehensiveness of the consideration of the

object, historicism, universal connection of phenomena, system), as well as general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction, description, classification) and private (system structural, formal logical, sociological) research methods. The research made it possible to define socio-psychological patterns in criminal law, to show the mechanism of their action and use, as well as to create tools for measuring their practical implementation. For this purpose, the paper identifies two groups of laws that characterize the socio-psychological mechanism of the formation and functioning of criminal law: general (as a manifestation of universal patterns of human mental activity in the content of criminal law) and special (these are special interrelations of social psychology and legal consciousness with criminal law-making and law enforcement).

Keywords

social psychology; socio-psychological patterns; legal awareness; criminal policy; socio-psychological grounds for criminalization (decriminalization); social effectiveness of criminal law.

For citation: Andrianov V.K. (2024) Socio-Psychological Pattern in the Criminal Law. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 17, no.1, pp. 133–162 (in Russ). DOI:10.17323/2072-8166.2024.1.133.162

Введение. Гипотеза и методология исследования

Закономерности права, как всякие социальные закономерности, складываются в деятельности индивидуумов и через нее реализуются. Поскольку в деятельности и поведении человека существенную роль играют психические процессы, постольку ряд закономерностей права проявляется в виде психологических закономерностей либо включает в свое содержание психологические аспекты [Андреева Г.М., 2001: 6]. Особенно это присуще уголовному праву, которое традиционно испытывает существенное влияние и придает большое значение различным явлениям социально-психологического порядка как при криминализации общественно опасных деяний (карательные притязания, особенности ментальности, факторы социально-психологической зрелости для установления возраста ответственности), так и при реализации мер уголовно-правового воздействия на лиц, их совершивших (вменяемость и невменяемость, различные формы психической активности — вина, мотив, цель, эмоции).

По своему содержанию уголовная политика с присущими ей методами, решая вопросы преступного и наказуемого, охраны наиболее важных благ от общественно опасных посягательств, предполагает тесную внутреннюю взаимосвязь общественной психологии и правосознания масс, а с другой стороны — правотворчества и правоприменения. Выстраивание такой взаимосвязи, повышающей действенность уголов-

но-правового воздействия, требует активного использования как общих психологических закономерностей, так и специфических закономерностей общественного правосознания.

Напротив, игнорирование объективных социально-психологических закономерностей в процессе криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации неизбежно приводит к социальным издержкам и снижению эффективности уголовного права. В частности, к непризнанию уголовно-правового запрета в общественном мнении и восприятию его как несправедливого, к сочувствию преступнику, а не жертве, к наличию «мертвых» норм, формированию недоверия к деятельности уголовной юстиции, к преобладанию страха над осознанной необходимостью среди сдерживающих мотивов поведения.

Исследование социально-психологических закономерностей имеет важное значение и для развития социологии уголовного права, в частности, они являются необходимой основой изучения общественного мнения по вопросам преступления и наказания. Попытки его изучения без знания социально-психологических закономерностей уголовного права оказываются бессистемными и беспредметными.

Чтобы дать полную и всестороннюю оценку современного состояния и перспектив взаимосвязи общественной психологии, правосознания и уголовно-правовой политики, необходимо сформировать целостное представление о социально-психологических закономерностях, в том числе об их понятии, системе, видах, особенностях действия в уголовном праве, которым отечественная наука еще не располагает. Лишь некоторые из этих закономерностей затрагивались в работах, посвященных отдельным отраслевым проблемам, таким как преступное поведение и развитие наказания, правосознание и социальный механизм уголовно-правового воздействия [Сорокин П., 1914: 113–151]; [Филановский И.Г., 1970]; [Коган В.М., 1983]; [Ефремова Г.Х., Ратинов А.Р., 1988]; [Бибик О.Н., 2015: 38–49].

Отправной идеей настоящей статьи является тезис: правовое воздействие, в том числе запретительно-карательного характера тем сильнее, чем больше правовая форма влияет на сознание и волю индивидуумов, а это достигается не только уровнем объективной обусловленности содержания права, но и учетом законов психики, по которым содержание проникает в психологическую сферу личности и руководит ее поведением. В соответствии с подобной идеей уголовное право, регулируя поведение личностей, исходит в своей основе из единых психических процессов, состояний, свойств личности и механизмов психической деятельности человека, поэтому ряд действующих в нем закономерностей по своей природе является специфическим проявлением общих социально-психологических закономерностей.

Только изучив законы психики и понимая связи и отношений, которые можно расценить как социально-психологические закономерности, можно законодательно определить вменяемость и невменяемость, возраст уголовной ответственности, формы и виды вины, мотивы, цели, эмоции, словом, регламентировать все психические аспекты поведения, имеющие уголовно-правовое значение.

Исходя из данной методологической основы, следует затронуть одну особенность психологических закономерностей в целом. В психологической науке отмечается противоречие между субъективной природой психических явлений, относящихся к внутреннему миру человека, и необходимостью раскрытия закономерностей как связей, имеющих объективный характер, т.е. существующих вне и независимо от субъекта. Стремление ученых разрешить это противоречие породило противоположные точки зрения: по мнению одних исследователей, психическое неподвластно объективным закономерностям; другие полагают, что психическое включено во всеобщую взаимосвязь явлений материального мира и подчинено объективным закономерностям [Ломов Б.Ф., 1984: 106–107]. На наш взгляд, эти позиции нельзя абсолютизировать и считать взаимоисключающими.

Признать правоту лишь первой позиции — значит исключить возможность обобщающего отражения социально-психологических факторов в процессе криминализации и пенализации, так как уголовное право должно основываться не на уникальности тех или иных психических процессов, состояний и свойств личности, а учитывать типичное и повторяющееся, как того требует нормативное опосредование поведения. Отрицание социально-психологических закономерностей и вместе с тем абсолютизация индивидуального своеобразия протекания психических процессов, индивидуальных особенностей психических состояний и уникальности психического склада каждой личности, по сути, лишает уголовное право возможности предупредительного воздействия на граждан и регламентации общих признаков психического отношения лица к совершаемому им общественно опасному деянию.

Признать правоту только второй точки зрения — значит игнорировать специфику психической деятельности лица, связанной с совершением преступления, в процессе индивидуализации уголовной ответственности и нарушить принцип справедливости.

Ценность видится в интеграции этих позиций. Как отмечает Б.Ф. Ломов, «по сравнению с психологией ни в какой другой науке при исследовании какого-либо феномена так остро не стоит задача раскрыть закон как общее и вместе с тем показать имманентное происхождение разнообразия его индивидуальных проявлений» [Ломов Б.Ф., 1984: 108]. Для

целей уголовно-правового воздействия предпочтительным выступает мнение, что социально-психологические закономерности проявляются в виде тенденций, фиксирующих общее и устойчивое, но при этом не исключающих вариативности и изменчивости психических явлений.

Именно такое понимание социально-психологических закономерностей дает возможность, с одной стороны, законодательно отразить связанные с уголовным правом тенденции общественной психологии и правосознания (в частности, касающиеся достаточности социально-психологической зрелости для вменения и ответственности, развития представления о виновности), с другой — оставить правоприменителю возможность принять во внимание индивидуальные отклонения от тенденций (в частности, касающиеся задержки в психическом развитии по ч. 3 ст. 20 Уголовного кодекса Российской Федерации; далее — УК). Наряду с общими социально-психологическими закономерностями в уголовном праве действуют и специальные закономерности, обусловленные развитием и функционированием уголовного правосознания как особой формы общественного сознания.

Таким образом, среди закономерностей, характеризующих социально-психологический аспект формирования и функционирования уголовного права, могут быть выделены: общие (проявление универсальных закономерностей психической деятельности человека в содержании уголовного права) и специальные (особые взаимосвязи общественной психологии и правосознания с уголовным правотворчеством и правоприменением).

Прежде подробного¹ рассмотрения закономерностей каждой из выделенных групп необходимо дать их общее определение.

Под социально-психологическими закономерностями в уголовном праве автор статьи понимает существенные, устойчивые и повторяющиеся связи (отношения), характеризующие процессы, происходящие в психике и сознании людей по поводу установления уголовно-правовых запретов и практики их реализации, а также психическую деятельность лица, связанную с совершением преступления.

Последнее важное замечание методологического порядка касается необходимости использовать для целей выявления и описания социально-психологических закономерностей понятие «уголовно-правовое воздействие». В отличие от уголовно-правового регулирования имен-

¹ Поскольку социально-психологические закономерности, характеризующие психическую деятельность лица, связанную с совершением преступления, различные формы его психической активности как признаки субъективной стороны — основательно разработанная в уголовно-правовой науке проблема, автор не касается ее подробнее в настоящем исследовании.

но сквозь призму данного понятия высвечивается влияние уголовного права на общественную психологию и правосознание в качестве воспитательно-идеологического и ценностно-ориентационного факторов, а, следовательно, открывается возможность раскрыть существенные, необходимые и устойчивые взаимосвязи такого влияния.

1. Общие социально-психологические закономерности в уголовном праве

Элементарная логика правового регулирования строится по причинно-следственной схеме «если... то...», предполагающей связь юридического факта и последствия, поэтому первичное значение для правового воздействия на человека имеет закон ассоциаций. В психологии под ассоциацией понимают связь между отдельными событиями и фактами, отраженную в сознании индивида и закреплённую в его памяти. Согласно ассоциативным закономерностям: чем ближе друг к другу события, факты во времени, тем вероятнее формирование ассоциативной связи между ними; чем больше частота повторения совместного появления фактов, тем быстрее сформируются ассоциации между ними; чем чаще в опыте возникает такая связь, тем прочнее становится ассоциация [Братусь Б.С., 2005: 112]; [Немов Р.С., 2007: 31].

Важность знания закономерностей формирования ассоциаций связана с тем, что уголовно-правовое воздействие осуществляется через выработанные (наличествующие) в сознании граждан ассоциативные связи между преступлением и наказанием, позитивным посткриминальным поведением и освобождением от уголовной ответственности или ее смягчением. От точности, прочности и устойчивости этих ассоциативных связей, обусловленных реализацией принципов правовой определенности и стабильности, неотвратимости ответственности и единообразия судебной практики, зависит результативность уголовно-правового воздействия: чем отчетливее и стабильнее ассоциативные представления о перечне деяний признаваемых преступными и характере их наказуемости, основаниях освобождения от уголовной ответственности и наказания, тем выше эффективность действия уголовного права.

Между тем такие признаваемые многими отечественными специалистами черты современного уголовного законодательства, как криминализационная избыточность и чрезмерность специальных составов, пенализационная разбалансированность, конкуренция оснований депенализации, отсутствие ясных критериев криминализации и расплывчатость границ между преступлением и административным правонарушением, высокий динамизм уголовного законодательства, безусловно,

существенно препятствуют формированию точных и устойчивых уголовно-правовых ассоциаций в общественном сознании. Как показывает проведенный нами социологический опрос², более или менее точные и устойчивые ассоциативные понятия о круге деяний, признаваемых преступными и характере их наказуемости, существуют в общественном сознании только применительно к безусловным запретам, образующим ядро преступности, а чем дальше от него, тем ассоциации слабее и изменчивее:

традиционные преступления против жизни и здоровья, преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности и преступления против собственности (100% респондентов);

некоторые иные преступления (от 1 до 15%).

Небольшие ассоциации вызывает у граждан и понятие уголовного наказания: из 13 видов наказания, предусмотренных в Уголовном кодексе России 1996 г. (далее — УК), респонденты вспомнили лишение свободы (97%), штраф (14%) и обязательные работы (9%). С основаниями освобождения от уголовной ответственности и наказания в общественном сознании ассоциируется: примирение с потерпевшим (61%), условно-досрочное освобождение (45%), помилование (19%) и амнистия (12%).

По выявленным в результате опроса уголовно-правовым ассоциациям можно составить общее мнение граждан о том, что есть преступление и наказание, а также уголовное право в целом. Причем, как показал опрос, это представление за 25 лет действия УК существенно не изменялось. Однако если помнить о расширении объема УК, можно выявить тенденцию, выражающую обратную зависимость между продолжительностью действия Кодекса и степенью осведомленности граждан о его содержании: чем дольше действует уголовный закон, тем меньше удельный вес знания его предписаний. Разумеется, такая тенденция нарастающего увеличения дефицита уголовно-правовой информированности граждан связана со значительной динамикой уголовного законодательства. В общественном сознании отсутствует и информация насчет общих криминологических показателей [Воронин В.Н., 2022: 28–36].

В условиях весьма ограниченного понимания гражданами содержания современного уголовного права затруднено его функционирование в плане действенности предупредительных, а также результативности карательных и восстановительных уголовно-правовых мер. Тем более что

² В опросе 2022 г., посвященном воплощению различных социально-психологических закономерностей в механизме уголовно-правового воздействия, приняли участие 300 совершеннолетних россиян. Данные взвешены по социально-демографическим параметрам. Возможны некоторые погрешности в данных опроса, вызванные выбором респондентов, формулировкой вопросов и другими обстоятельствами.

развитие российского уголовного законодательства идет по пути все большей дифференциации уголовно-правового регулирования и построения не «маленького и жесткого», а «большого и мягкого» уголовного кодекса. Поэтому есть основание предположить, что дефицит уголовно-правовой информированности граждан будет только нарастать по мере сохранения динамизма уголовного законодательства в ущерб его стабильности.

В связи с этим весьма актуальным направлением государственной политики является развитие общественного правосознания, включая правовое информирование и правовое просвещение граждан. В специально принятом документе³ в числе факторов реализации такой государственной политики заявлено ее «соответствие закономерностям развития правового государства и гражданского общества», «понятность, доступность и эффективность законодательства, его адекватность экономической и общественно-политической ситуации в стране, реализация в законодательстве принципов справедливости и равноправия, обеспечения соответствия норм права интересам и потребностям различных социальных групп». Признавая безусловную важность указанных факторов, отметим, что существенное значение в реализации информационного и ценностно-ориентационного воздействия права имеет также понимание ряда социально-психологических закономерностей, характеризующих возможности человека в восприятии и усвоении, в том числе правовой информации.

С одной стороны, следует учитывать закон перцепции; его суть в том, что процесс восприятия развивается в виде перехода от более общего и абстрактного к более конкретному и дифференцированному представлению о явлении [Ланге Н.Н., 1893: 32]. Сообразно этой закономерности процесс правового просвещения и информирования граждан должен осуществляться последовательно и планомерно, начиная с приобщения к общепринятым нормам, правилам и ценностям на уровне дошкольного и начального образования, через обучение основам права на этапе основного и среднего общего образования и продолжая в дальнейшем повышением уровня юридической грамотности населения по месту учебы или работы, вплоть до распространения программ дополнительного правового образования взрослых. Особенно это касается уголовного права, так как реализация его основных предписаний не предполагает института представительства.

³ См.: Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом России 28.04.2011 № Пр-1168) // СПС Консультант Плюс.

Отсюда и закономерность: чем больше информации о праве, тем подробнее и детальнее понятие о его содержании в общественном сознании, тем результативнее его функционирование. Однако наш опрос показал, что 96% респондентов не сталкивались со специальным уголовно-правовым информированием; они получили эмпирическую информацию о тех или иных аспектах уголовного права: из средств массовой информации — 19%, из собственного опыта — 2%. С другой стороны, нельзя не учитывать и закономерность, характеризующую субъективные возможности восприятия и усвоения информации, в том числе правовой.

В определении оптимального соотношения объема правовой информации и способностей человека полезен закон Хика, выражающий общую зависимость времени реакции от количества и сложности альтернативных вариантов: чем многообразнее варианты выбора, тем больше требуется времени для принятия решения. В соответствии с этой закономерностью время реакции увеличивается в зависимости от количества информации, которую необходимо обработать, чтобы произвести соответствующую реакцию [Немов Р.С., 2007: 468].

Применительно к уголовно-правовому воздействию значение этой общей психологической закономерности выражается в ряде аспектов. Во-первых, в ситуации чрезмерной криминализации и избыточного конструирования специальных уголовно-правовых норм общественная жизнь превращается в лабиринт уголовно-правового регулирования, запутанный даже для специалистов. Недаром в доктрине с каждым годом растет число публикаций, посвященных проблемам разграничения составов преступлений и конкуренции уголовно-правовых норм. В связи с этим вполне возможен рост числа преступлений из-за юридических ошибок, которые, по общему правилу, не влияют на ответственность. Известно: чем больше законодатель криминализирует деяний, тем более неопределенны и расплывчаты требования уголовного закона к поведению граждан в массовом общественном сознании, и тем более неэффективным становится уголовно-правовое воздействие [Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е., 2016: 424–425].

Во-вторых, в процессе правоприменения происходит своего рода «естественный отбор» наиболее жизнеспособных уголовно-правовых норм, в то время как многие из них остаются мало востребованными практикой или вовсе мертвыми [Бабаев М., Пудовочкин Ю., 2010: 4–10]; [Караваева Ю.С., 2022: 69–79]. В-третьих, дальнейшая дифференциация уголовно-правового регулирования в свете отмеченной психологической закономерности делают задачу уголовно-правового информирования граждан трудно выполнимой.

Поэтому с позиции названной социально-психологической закономерности большие сомнения вызывает целесообразность дальнейшего

усложнения системы уголовного права, в частности, путем введения категории уголовных проступков и расширения перечня иных мер уголовно-правового характера, разработки системы регионального уголовного законодательства, фиксации отдельных институтов уголовного права на уровне самостоятельных законов, что предлагают некоторые специалисты [Скрипченко Н.Ю., 2018: 85–90]. Напротив, по убеждению автора настоящей статьи, уголовному законодательству необходимо решительно придать реверсивное направление развития, предполагающее декриминализацию ряда норм об ответственности за преступления небольшой и средней тяжести; интеграцию и укрупнение уголовно-правовых предписаний, прежде всего, за счет отказа от конструирования большого числа специальных при наличии общих норм; сокращение видов уголовных наказаний, как в их общей системе, так и в конкретных статьях, а также уменьшение вариативности санкций [Лопашенко Н.А., 2021: 33–48].

Возможности типичного человеческого сознания, на которые в принципе и должна быть рассчитана система уголовно-правового воздействия, требует баланса между объективной потребностью в уголовно-правовой защите вновь возникающих общественных отношений и дифференциации уголовной ответственности, с одной стороны, и субъективными способностями человека в ориентировании в этой системе — с другой⁴. Не будет преувеличением сказать, что действующая система уголовного права замысловата даже для доктринального и профессионального правосознания, ни говоря уже о правосознании среднестатистического человека. Об этом говорят многочисленные споры ученых и практиков на конференциях, круглых столах, в научных трудах, ежегодно растущий перечень постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также количество квалификационных ошибок [Пудовочкин Ю.Е., 2020: 43].

Разумеется, для результативного информационного и ценностно-ориентационного воздействия уголовного права недостаточно только соответствующей государственной политики развития правовой грамотности и правосознания граждан по принципу «сверху-вниз». Нужно помнить, что позиция государства о запрещении деяний, о мерах уголовной ответственности за их совершение, об основаниях смягчения и освобождения от уголовной ответственности и наказания тем лучше доводится до сведения граждан и становится неотъемлемым элементом

⁴ При чрезмерной абстрактности граждане не поймут, чего от них хотят, будут неизбежны проблемы с правовой определенностью запрета, а при излишней подробности и детальности граждане не смогут усвоить требований закона.

их правосознания, чем больше степень ее соответствия объективным криминальным угрозам и социальной справедливости.

В плане общих социально-психологических закономерностей важно, что «правовые установки находятся в тесной связи с представлениями индивидуумов о социальной справедливости; более того, именно на основе субъективных оценок степени ее реализации, например в рамках функционирования правовой системы, они, как правило, и формируются: чем выше оценка справедливости правовой процедуры и принятых решений, тем выше удовлетворенность человека своим социальным взаимодействием в пределах этой системы, выше готовность соблюдать законы, демонстрируя законопослушное поведение» [Тихомиров Ю.А., Субанова Н.В., 2017: 181].

Рассуждая о балансе между стабильностью и динамикой уголовного законодательства и связанной с ней интенсивностью потока правовой информации, следует упомянуть закономерность психологической инертности. Под инерцией мышления понимается одно из свойств человеческой психики, которое выражается в том, что сознание человека часто подчиняется силе привычки.

Как и в любой другой сфере, инерция мышления имеет плюсы и минусы в механизме уголовно-правового воздействия. С одной стороны, это свойство психики помогает человеку сформировать и сохранить привычное понимание того, что есть преступление и наказание, а, следовательно, выработать привычку к правомерному поведению. В ракурсе этого свойства психики более полезен стабильный уголовный закон, который в силу своего постоянства формирует в сознании личностей устойчивое понятие о круге преступных деяний и характере их наказуемости. Кроме того, инерция и консерватизм мышления служат основой возникновения правовых традиций и обычаев [Шаргородский М.Д., 2004: 108]; [Бибик О.Н., 2017].

С другой стороны, недостаток инерции мышления в том, что она является серьезной помехой на пути законодательного реформирования, так как сознание индивидуумов с задержкой переключается на правовые нововведения. Особенно, если они не имеют под собой должной объективной обусловленности. Недаром, как показывает наше социологическое исследование, основной удельный вес в общем представлении граждан об уголовном праве занимают традиционные запреты и наказания, а все остальные многочисленные аспекты уголовно-правового содержания недостаточно отражены в общественном сознании.

Это подтверждает закономерность инертности общественного, в том числе правового сознания, которую удачно выразил А.И. Коробеев, говоря, что «с каким трудом общественное правосознание свыкается с

мыслью о необходимости установления уголовно-правового запрета, с таким же трудом оно и расстается с представлением об оправданности его сохранения впредь» [Коробеев А.И., 2019: 87].

С инерцией мышления напрямую связана закономерность социальной стереотипизации, имеющая важные социально-психологические аспекты в сфере уголовно-правового воздействия. Понятие «стереотип» связывается в социальной психологии с У. Липпманом, который определял его как упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой «образы» мира в сознании человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов, защищают его ценности, права и позиции, формируют привычки и традиции [Липпман У., 2004: 108]. В современных определениях социального стереотипа он характеризуется как особое общественно значимое образование сознания и поведения, в котором продуцируется привычный (шаблонный) образ их отношения к той или иной жизненной ситуации [Суходольская Н.П., 2009: 1].

Есть основание говорить о правовых стереотипах как о социально-психологических феноменах и компонентах правосознания. В частности, в общественном правосознании на основе социального опыта и с помощью различных источников информации формируются традиционные, типичные и упрощенные понятия о преступлении, преступнике и уголовном наказании. Через эти уголовно-правовые стереотипы в обществе из поколения в поколение передается информации о том, что является преступлением и как опасно его совершать, и одновременно осуществляется контроль над поведением человека.

Упомянутый выше социологический опрос показывает: стереотипное понятие о преступлении складывается в общественном сознании на основе «универсальных» преступлений против личности и собственности (100% респондентов), а понятие о наказании — на основе лишения свободы (97%). Следовательно, стереотип преступного в общественной психологии задается традиционными и безусловными уголовно-правовыми запретами и, главным образом, наиболее опасными посягательствами на личность и собственность, которые преступны при любом социальном строе (такими как убийство, причинение опасного вреда здоровью, изнасилование, хищения). Поэтому в общественном сознании существует высокий «стандарт» преступного, а, отсюда, и довольно опасный «образ» преступника.

Поскольку сквозь призму данных стереотипов личности осуществляют самоконтроль и оценивают те или иные уголовно-политические решения, законодатель должен понимать ряд социально-психологических закономерностей. Первичная и наиболее глубинная психологическая

реакция граждан на установление уголовно-правового запрета зависит от того, насколько согласуется запрещаемое поведение со стереотипом преступного и образом преступника, сложившимися в общественном сознании. Поэтому чем дальше по уровню общественной опасности вновь криминализируемое деяние отстоит от «стандарта» преступного, тем бледнее образ преступника в общественном сознании и, следовательно, меньше степень карательных притязаний граждан относительно этого деяния.

Актуальность данной закономерности особенно возрастает в условиях необоснованной криминализации, при которой преступлениями признаются деяния, которые объективно до этого «не дотягивают» и воспринимаются в обществе терпимо или безразлично. В общественной психологии это производит противоположный эффект — преступник из злодея превращается в жертву, а человека, попавшего под уголовное преследование по таким статьям, общество больше жалеет, чем осуждает [Коган В.М., 1985: 25]. Возможная распространенность таких случаев в практике уголовного законодательства способна размыть социальные стереотипы о преступлении как наиболее опасном отклонении, стереть в общественном сознании границу между преступным и не преступным, а, в конечном счете, закономерно привести к обесцениванию уголовного закона в глазах общественного мнения [Капинус О.С., 2018: 42].

Как отмечается в социологии, функциональное назначение социального стереотипа состоит в том, чтобы феноменологически поляризовать в противоположных образах стороны социального противоречия, психологически мобилизовать на его разрешение силы участников социального процесса [Осипов Г.В., 1998: 538]. Поэтому еще одна важная функция уголовно-правового стереотипа общественного сознания состоит в том, что он ведет к поляризации граждан на законопослушных и преступников и образует между ними социально-психологический барьер, необходимый для того, чтобы препятствовать преступному поведению.

Под психологическим барьером понимают внутреннее препятствие психологической природы (нежелание, боязнь и т.п.), мешающее человеку успешно выполнить определенные действия. Создаваемый стереотипным образом преступника психологический барьер усиливает внутренние переживания человека: страх и тревогу перед возможным наказанием, чувство вины и стыда перед обществом за возможное преступное поведение.

Пороговое значение такого социально-психологического барьера зависит от того, что государство объявляет преступлением: чем выше уровень общественной опасности деяния, а вместе с ним и карательных притязаний населения, тем выше пороговое значение социально-психо-

логического барьера; по мере уменьшения уровня общественной опасности деяний уменьшается степень их морального осуждения, следовательно, понижается пороговое значение социально-психологического барьера на пути к преступлению. По общему правилу, чем выше социально-психологический барьер между законопослушными и склонными к преступлению гражданами, тем реже совершаются преступления, поскольку для его преодоления человек должен обладать более устойчивыми социально-опасными качествами.

Но у этой закономерности есть обратная зависимость: с одной стороны, чем выше такой барьер, тем проще удерживать граждан от совершения преступлений; с другой, труднее возвращать их к нормальной жизни после отбытия наказания. У лиц, переступивших через более высокий социально-психологический барьер для совершения преступления, как правило, выше степень криминогенной деформации («чем выше порог выхода, тем больше порог входа»). Ресоциализация в значительной степени осложняется и социальной реакцией, склонной к навешиванию «девиантных ярлыков», «клеймению», «наклеиванию отрицательных лейблов» на правонарушителей, что может приводить к их изоляции от остальных членов общества, вызывать усиление отклоняющегося поведения, порождать рецидивизм и, в конечном счете, увеличить преступность [Комлев Ю.Ю., 2016: 6–14].

Поэтому оптимальная модель уголовно-правовой политики должна выстраивать социально-психологический барьер так, чтобы он был трудно преодолимым препятствием на пути совершения преступления и легко преодолимым на пути ресоциализации лиц, их совершивших. Поэтому важное значение имеет принятие Федерального закона от 06.02.2023 №10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»⁵, вступившего в силу с 01.01.2024.

В доктрине отмечается, что по гносеологической природе социальные стереотипы могут быть как истинными, так и ложными; а по социальной направленности — как прогрессивными, так и реакционными. Поэтому в процессе криминализации тех или иных деяний законодатель не должен находиться в плену социальных стереотипов и быть заложником некомпетентности общественного мнения в вопросах уголовной политики.

Во-первых, уголовно-правовой стереотип есть устойчивый и упрощенный образ преступления и преступника, в то время как социально-криминологическая действительность, обуславливающая уголовное право, весьма изменчива и многообразна. Поэтому зачастую стереотип,

⁵ СПС Консультант Плюс.

в том числе связанный с пониманием того, что есть преступление и какое деяние им должно признаваться, в силу присущей ему ригидности отстаёт от меняющейся социальной жизни. «Законодатель не может и не должен тянуться в хвосте общественного правосознания» [Коробев А.И., 2019: 85].

Во-вторых, общественное мнение об уголовном праве может содержать искаженные и даже ложные стереотипы, требующие корректировки и формирования необходимых стереотипов. Например, опасен распространенный в общественной психологии стереотип завышенных ожиданий от применения уголовно-правовых средств, служащий субъективной основой формирования репрессивной уголовной политики. Наш опрос выявил наличие уголовного правоцентризма в общественном сознании: на вопрос, как главным образом следует противодействовать неправомерному поведению, 68% респондентов ответили, что посредством уголовной ответственности, и только 32% озадачились вопросом об опасности такого поведения.

В процессе уголовно-правового воздействия, особенно в плане пениализации, следует принимать во внимание закономерность зависимости между уровнем мотивации и успешностью решения поведенческих задач. Здесь действует психологический закон Йеркса-Додсона, который утверждает, что по мере увеличения интенсивности мотивации качество деятельности изменяется по колоколообразной кривой: сначала повышается, затем, после перехода через точку наиболее высоких показателей успешности деятельности, постепенно понижается. Уровень мотивации, при котором деятельность выполняется максимально успешно, называется оптимумом мотивации [Фресс П., Пиаже Ж., 1975: 119–125]; [Ломов Б.Ф., 1984: 113]. Закономерность оптимальной мотивации в уголовном праве проявляется в следующем: подобно тому, как недостаточно строгое наказание расслабляет преступника и провоцирует новые преступления, так и чрезмерно суровое наказание озлобляет его и толкает к новым преступлениям.

Это лишь некоторые из общих законов психики и социально-психологических закономерностей, без знания которых невозможно правильно настроить базовые параметры системы уголовно-правового воздействия.

2. Специальные социально-психологические закономерности в уголовном праве

По внутренней природе уголовно-правовое воздействие — это особое психологическое влияние на сознание и волю личностей, которое

подчиняется, помимо общих, и некоторым специальным закономерностям. Эти закономерности характеризуют особые связи массового правосознания с процессами уголовно-правового нормотворчества и правоприменения.

Специальные социально-психологические закономерности функционируют в тесной взаимосвязи между собой и более общими закономерностями как проводники, через которые регулятивная энергия уголовного права воздействует на индивидуумов, но в целях их выявления и анализа они могут быть подразделены на более частные группы. Общая и исходная закономерность здесь состоит в том, что общественная психология, включая правосознание граждан, — явление многоплановое и развивающееся, поэтому результативность уголовно-правового воздействия зависит от степени их соответствия друг другу как в качественном (с точки зрения уголовно-правового содержания), так и количественном плане (с точки зрения объема и репрессивности).

2.1. Закономерности психосоциального воздействия уголовно-правовых запретов

Данные закономерности призваны показать, что социально-психологический эффект, производимый на граждан установлением запретов, находится в существенной взаимосвязи с содержанием самих запретов. Это связано с тем, что уголовно-правовые запреты функционируют не в безвоздушном пространстве, не в вакууме социальной жизни, а отражаются в общественной психологии, в которой уже сформированы ценностные ориентации, чувства и традиции членов социума.

В уголовном праве существенную роль играют исторически складывающиеся в общественном сознании морально-нравственные понятия большинства о добре и зле, плохом и хорошем, праведности или греховности, справедливости и несправедливости поступков, поощрении и наказании. Преломляясь в объективных условиях современной жизни и потребностях граждан в охране их интересов от общественно опасных посягательств, данные понятия приобретают значение непосредственно-социальных карательных притязаний.

Уровень таких притязаний зависит от восприятия общественным сознанием тех или иных ценностей, которые нарушаются. Таковы ценности свободы, собственности, человеческой жизни и т.д. Они неодинаково воспринимаются в разное время и разными индивидуумами. Тот, кто высоко ценит свободу, всегда будет ждать многого от государства в части ее охраны. Поэтому, решая вопрос о признании тех или иных деяний преступными и наказуемыми, законодатель должен основывать-

ся как на объективных факторах криминализации и пенализации, так и учитывать непосредственно-социальные карательные притязания как фактор общественной психологии и правосознания. От этого будет зависеть социально-психологический эффект криминализации.

В этой зависимости прослеживается закономерность: позитивный социально-психологический эффект криминализации (общественная поддержка и добровольность соблюдения) возрастает в мере, в которой уголовно-правовые запреты согласуются с действием иных, определяющих человеческое поведение факторов (социально-экономических, морально-этических). Наоборот, если отсутствует их должная социально-криминологическая обусловленность и запреты имеют произвольный характер, возрастает негативный психологический эффект, детерминирующий не только отторжение запретов, но и активное сопротивление им. Это вынуждает государство постоянно наращивать принудительные меры обеспечения таких запретов, что еще больше увеличивает негативные явления в общественной психологии (преобладание страха над уважением к уголовному закону, подавление социальной активности и ограничение свободы человека).

Поэтому, как верно пишет А.И. Коробеев, «уголовно-правовой запрет оправдан лишь тогда, когда общественной психологией и правосознанием та или иная разновидность отклоняющегося поведения воспринимается как требующая ее уголовной наказуемости» [Коробеев А.И., 2019: 84]. В процессе установления уголовно-правовых запретов важно также учитывать, что общественная психология — явление неоднородное, в ней проявляется психология различных социальных групп и общностей. Кроме того, различным сферам общественной жизни соответствуют различные виды общественной психологии (экономическая, политическая, духовно-нравственная).

Следует отметить еще одну закономерность: чем шире социальная сфера проявления общественно опасного поведения, тем более высокий уровень общественной психологии и сознания следует учитывать законодателю. В процессе криминализации деяния, охватывающего широкий социальный контекст, необходимо исходить из оценки справедливости уголовно-правового запрета в сознании большинства граждан; при криминализации деяния, затрагивающего узкую область общественной жизни (преступления, связанные с нарушением специальных правил), законодатель должен опираться на общественное мнение определенной социальной группы.

В противном случае, как отмечают Ю.Е. Пудовочкин и М.В. Бавсун, «уголовно-правовое воздействие оказывается в некоем социально-психологическом вакууме. Формально имея вполне легитимный статус,

фактически оно не находит поддержки у большинства членов российского общества, становясь, таким образом, слабым и неэффективным в процессе своей реализации. Подобное характерно именно для случаев непонимания обществом или неприятия им тех идей, которые «навязываются» ему сверху законодателем, но не имеют поддержки на уровне общественной психологии» [Пудовочкин Ю.Е., Бавсун М.В., 2018: 183].

Анализируя идеологическую основу уголовно-правового воздействия, И.Я. Козаченко подчеркивает закономерность выявления как можно большего числа точек соприкосновения внутризэтических (нравственно-психологических) и внешних, в том числе уголовно-правовых регуляторов, которая заключается в том, что «если внешние корректирующие факторы действуют в одном направлении с внутренней регуляцией этноса, совпадают с ней, то многократно возрастает нравственно-психологический объединяющий потенциал, при котором возникает необходимая урегулированность отношений внутри этноса и за его пределами.... В тех довольно частых случаях, когда внешнее воздействие нарушает указанную гармонию, внутренняя органическая регуляция этноса в силу присущего ему иммунного механизма создает противодействие внешней коррекции» [Козаченко И.Я., 2008: 24].

Особое место среди этих социально-психологических оснований криминализации занимают моральные (этические) нормы и запреты⁶. Они внутренне связаны с уголовным правом, поскольку выражают родственные ему идеи (о гуманности и справедливости), поэтому в той мере, в какой морально-нравственные устои общества воплощаются в уголовном праве, они обеспечивают общественное согласие с его требованиями и их социальную поддержку.

Важное следствие этих закономерностей в том, что объективно обусловленные уголовно-правовые запреты воспринимаются общественным сознанием непосредственно через их социальный менталитет и жизненный опыт, а, значит, в большей мере органично, чем формально, путем их официального опубликования. Следовательно, принцип «незнание закона не освобождает от ответственности» приобретает реальный характер. Отсюда — чем больше уголовно-правовые запреты соответствуют объективным социальным девиациям, тем легче они усваиваются гражданами и сильнее влияют на их волю и сознание.

⁶ Результаты опроса россиян о морально-нравственных принципах, проведенного ВЦИОМ в 2022 г., показывают рост роли моральных норм в российском обществе. См.: Моральный поворот. Россияне все чаще склоняются к мнению, что мораль неподвластна времени, обязательна к исполнению и нуждается в защите государства. Available at: URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/moralnyi-povorot> (дата обращения: 08.02.2023)

В русле выделенных закономерностей заслуживает внимания идея создания индекса этичности права и связанных с ним индикаторов, позволяющих сопоставить этические представления современного российского общества с содержанием юридических норм, имеющих моральные основания и этическую нагрузку — нравственно-оценочный контент. Соответственно, чем хуже отношение граждан к той или иной юридической норме с морально-нравственных позиций, тем ниже значение индекса ее этичности по шкале от 1 до 10 [Виноградов В.А., Ларичев А.А., 2022: 4–23]. Применительно к уголовному праву такие индикаторы могут выражаться в общественной оценке справедливости признания тех или иных деяний преступными, установленных санкций и назначенных наказаний за их совершение, целесообразности обстоятельств, исключающих, смягчающих, освобождающих от уголовной ответственности и наказания.

В рамках указанного ранее опроса нами было проведено сравнение позиции законодателя об уровне общественной опасности ряда деяний с учетом строгости санкций за их совершение и общественных оценок опасности отдельных преступлений, которое выявило две тенденции: 1) совпадение в большей части преступлений против личности и собственности (в частности, статей 105, 111, 112, 115, 116.1, 126, 127, 131, 132, 158, 159, 161, 162, 163 УК) — 84% респондентов; 2) расхождение по ряду преступлений против государственной власти (в частности, ст. 285, 285.1, 286, 289, 290, 292, 293 УК) — 75% респондентов имеют более высокие карательные притязания.

2.2. Закономерности мотивационной сферы уголовно-правового воздействия

Уголовно-правовые запреты, опосредующие охранительно-предупредительную функцию уголовного права, нацелены на то, чтобы сформировать и обеспечить под угрозой наказания действие сдерживающих мотивов поведения человека. Психологическая основа сдерживающих мотивов может выражаться в различных психических явлениях: у одних это уважение к закону и согласие с его требованиями, у других — страх перед уголовным наказанием. Разумеется, мотив одобрения уголовно-правовых запретов сильнее мотива боязни наказания, поскольку основывается на наиболее ценных духовных, психических качествах личности, способствует развитию правосознания и является более надежным и долгосрочным.

Вместе с тем не следует недооценивать, равно как и преувеличивать роль страха перед наказанием как мотива, сдерживающего преступное

поведение [Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е., 2023: 82]. Результаты нашего социологического опроса, совпадающие с аналогичными исследованиями в предшествующие годы, показывают в качестве статической социально-психологической закономерности, что страх перед наказанием является сдерживающим мотивом не более чем для 20% граждан, а остальные не совершают преступлений по внутреннему убеждению в справедливости уголовно-правового запрета или невыгодности преступного поведения [Наумов А.В., 1983: 28]; [Коробеев А.И., 2019: 86]. Однако предупредительная роль карательной угрозы может возрастать в условиях существенного изменения социальной, экономической и политической обстановки, обуславливающей значительное обновление перечня преступлений, к которому граждане еще не успели привыкнуть, а также повышения уровня репрессивности уголовной политики.

Содержание мотивационной основы уголовно-правового воздействия характеризуется и рядом качественных закономерностей. Среди них можно выделить:

Закономерность повышения качества превентивной мотивации (от преобладания прямой угрозы и страха перед наказанием до уважения к закону, самоограничений и саморегуляции). Она характеризует историческое развитие мотивационной сферы уголовно-правового воздействия и состоит в том, что, по мере все большего приспособления человека к социальной среде, и, следовательно, подчинения его биологической природы (импульсы, страсти, инстинкты) социальной природе (правила, нормы, ценности), в системе сдерживающих мотивов постепенно уменьшается удельный вес страха перед строгой карой и возрастает уважение к закону и осознанная необходимость соблюдения его требований.

Закономерность подкрепления превентивной мотивации указывает, что в мере, в какой уголовно-правовые запреты согласуются с моральными запретами общества, психологическая основа сдерживающих мотивов поведения подкрепляется нравственной мотивацией. Мера такого подкрепления зависит не только от морального обоснования криминализации, но и от ценностных установок самой личности, степени ее интеграции в социальную систему и усвоения моральных норм. Как отмечал В.М. Коган, усиление уголовно-правового воздействия происходит за счет подключения к нему таких внутренних психологических контролеров индивидуального поведения, как чувство вины и стыда. Исходя из этого, автор формулирует закономерность: чем шире моральная основа уголовного кодекса, тем выше (при прочих равных условиях) его эффективность [Коган В.М., 2011: 277–294].

Однако значительную часть уголовно-правовых запретов невозможно оценить с моральной точки зрения. Тем не менее подкреплять их

действие моральным сознанием возможно, если вкладывать в это сознание принцип моральной ответственности за соблюдение правовых норм, аморальности преступного поведения и моральной оправданности применения уголовного наказания [Генрих Н.В., 2023: С. 69–81]. Воплощение этого принципа предполагает высокое доверие к государству, принимающему эти нормы, и высокое правовое качество самих норм.

Закономерность усиления превентивной мотивации. Она выражает зависимость результативности предупредительного воздействия уголовного закона от социально-психологического самочувствия граждан, обусловленного объективными социально-экономическими условиями их жизни, влияющими на субъективное восприятие лицом стимулов и антистимулов преступного поведения и тяжести наказания за его совершение. Поскольку оценка степени криминальной «выгоды», тягот и лишений, испытываемых лицом от наказания, зависит от уровня его жизни, постольку: чем выше качество жизни человека, тем «невыгоднее» для него преступное поведение, тем больше ее разрыв с условиями отбывания наказания, а следовательно, сильнее антикриминальная мотивация [Гальперин И.М., 1982: 95–96].

Подтверждением данной закономерности служит тот факт, что по мере улучшения социально-экономических показателей уровня жизни в России с начала 2000-х годов (в частности, снижения численности лиц с денежными доходами ниже границы бедности, сокращения уровня безработицы)⁷ и повышения степени удовлетворенности россиян различными аспектами жизни⁸, начиная с 2007 г и до настоящего времени наблюдается устойчивая тенденция к снижению уровня преступности, составившего в 2022 г. 1 966 795 преступлений⁹.

Следовательно, для усиления превентивной мотивации необходимо добиваться дальнейшего повышения качества жизни народа, благосостояния граждан и степени их удовлетворенности социальными благами.

⁷ См.: Численность населения, имеющего среднедушевые денежные доходы ниже величины прожиточного минимума, и дефицит денежного дохода, динамические ряды. Available at: URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397>; Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения. Available at: URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723>; Уровень безработицы населения в возрасте 15–72 лет. Available at: URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force; Основные показатели жилищных условий населения. Available at: URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/zhilishhnye_usloviya (дата обращения: 09.02.2023)

⁸ См.: Жить в России: 1999–2019. Available at: URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhit-v-rossii-19992019> (дата обращения: 09.02.2023)

⁹ См.: Данные ГИАЦ МВД РФ о состоянии преступности в России с 2006 по 2022 гг. Available at: URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 09.02.2023)

2.3. Социально-психологические закономерности объема и репрессивности уголовно-правового воздействия

Это закономерности, выражающие количественную сторону, т.е. объем и репрессивность уголовно-правового воздействия на общественную психологию и правосознание. Среди них могут быть выделены:

Закономерность «уменьшения» уголовно-правовой опеки государства над общественным сознанием и поведением. Она выявляет, что по мере того, как под влиянием общего социокультурного развития повышается уровень общественного правосознания, идеологическое (воспитательное, ценностно-ориентационное) воздействие уголовного права на сознание граждан ослабляется, обуславливая изменение его содержания от тотальной императивности до значительной диспозитивности, от абсолютного принуждения до относительного убеждения, стимулирования и поощрения самоисправления. Эта закономерность подтверждается не только исторической тенденцией смягчения карательного содержания наказаний, но и возникновением и расширением институтов освобождения от уголовной ответственности и наказания.

Закономерность колебания интенсивности уголовно-правового воздействия. Она выражает зависимость характера и механизма уголовно-правового воздействия (информационного, ценностно-ориентационного, предупредительного, частного превентивного, карательного воздействия), от менее строгих к более строгим мерам уголовно-правового характера), от уровня правосознания личности, которая состоит в следующем: чем выше степень криминогенной направленности личности, ее неустойчивости и склонности к совершению преступления, тем интенсивнее уголовно-правовое воздействие на нее; и наоборот, чем выше уровень правосознания личности, тем такое воздействие слабее (ограничено формальным действием уголовного закона).

Закономерность психологии взаимодействия общества и государства в уголовно-правовой сфере заключается в следующем: по мере того, как их интересы сходятся, в уголовно-правовом воздействии преобладает психология сотрудничества и государство ограничивает объем уголовно-правовой репрессии в общественных интересах. И наоборот: по мере того, как общественные и государственные интересы все более расходятся, в уголовно-правовом воздействии господствует психология контроля («доминирования»), и государство наращивает объем уголовно-правовой репрессии в своих интересах.

У отмеченной выше закономерности психологии взаимодействия общества и власти в уголовно-правовой сфере есть крайнее и потому крайне нежелательное проявление, которое может быть выражено в сле-

дующей социально-психологической закономерности — усиления роли и меры уголовно-правового воздействия в условиях политического антагонизма. Когда в прежде относительно едином социуме в силу социально-экономических, политических причин обостряется противоречие взглядов и идеологий общественных классов или групп, объем и репрессивность уголовно-правового воздействия возрастают, поскольку оно начинает использоваться не только для противодействия общественно опасному поведению, но и в целях удержания или завоевания власти.

Особенно заметно действие этой социально-психологической закономерности в период революционных потрясений, когда роль и присутствие уголовного законодательства в общественной жизни заметно повышаются, так как его начинают активно применять в качестве инструмента социальной борьбы. Такие события обычно сопровождаются «эффектом бумеранга»: сначала правящие элиты активно применяют уголовный закон как инструмент удержания власти, а затем пришедшие им на смену силы используют уголовно-политические средства против прежних элит с целью завоевания власти.

С точки зрения меры уголовно-правового воздействия на общественную жизнь полезно отметить еще одну закономерность, выражающую зависимость объема и репрессивности уголовного права от национально-психологических особенностей различных народов, «национального характера» (речь идет о таких этнопсихологических факторах, как внутренняя свобода, инициативность, социальная активность, самостоятельность, склонность к компромиссу, консерватизм, патернализм) [Вундт В., 2002].

В значительной степени теми или иными особенностями психического склада народа объясняется и завышенный уровень его карательных притязаний (предложения об ужесточении наказаний, о применении смертной казни, неразвитость медиации в разрешении уголовно-правовых конфликтов), наличие которого подтверждается социологическими исследованиями [Рагимов И.М., 2016: 200–209]. Не зря в науке говорят о присущем нашей ментальности уголовно-правовом идеализме, о глубоко укоренившемся в общественной психологии мнении об эффективности криминализационной практики в решении социальных проблем [Коробеев А.И., 2019: 86, 89, 246], о свойственном значительной части народа и многим чиновникам карательном мышлении, о ментальной установке на репрессивные методы регулирования конфликтных отношений [Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е., 2020: 78–82].

Отмеченные факторы, безусловно, являются социально-психологической подоплекой и питательной средой формирования соответствующей модели уголовной политики и доказывают закономерность: чем более укоренена в общественной психологии идея сильного государ-

ства, тем выше роль и мера запретительно-карательных инструментов управления общественными процессами.

2.4. Закономерности социально-психологического воздействия наказаний

Как писал Ч. Беккариа, «следует употреблять только такие наказания, которые при сохранении соразмерности с преступлениями производили бы наиболее сильное и наиболее длительное впечатление на душу людей и были бы наименее мучительными для тела преступника» [Беккариа Ч., 2004: 103]. Среди закономерностей, характеризующих социально-психологический генезис и механизм влияния наказаний, целесообразно выделить:

Закономерности качественного и количественного смягчения карательного содержания наказания, выражающие тенденции его развития и заключающиеся в том, что по мере роста культуры общества и усвоения социально-полезных установок и ценностей происходит постепенное ослабление репрессивности наказаний: от объективной к виновной ответственности, от неограниченной к ограниченной (уменьшенной) вменяемости, от телесных наказаний к правоограничительным, от коллективных (групповых) к индивидуальным наказаниям, от идеи возмездия до исправления как цели наказания, от достижения целей наказания «любой ценой» до их осуществления «малой кровью» (экономии репрессии), от понятий о справедливости наказания в форме талиона до адекватности его карательного содержания характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, от главной до субсидиарной роли наказания в социальном регулировании.

Закономерности предупредительного и исправительного воздействия наказания на социально-психологическую сферу личности, характеризуют степень его влияния. Она тем значительнее чем выше относительная ценность блага, которого лишает наказание; чем сильнее в массовом сознании мысль о неотвратимости и незамедлительности, неотложности применения наказания преступника; чем адекватнее тяжесть карательного содержания наказания опасности преступления; чем выше степень морального негодования общества и самого субъекта относительно запрещенного поведения.

Заключение

Из единства биологического и социального, сознательного и бессознательного в поведении человека следует, что базовые параметры систе-

мы уголовно-правового воздействия должны настраиваться с учетом общих законов психики и социально-психологических закономерностей, а конкретные параметры основываться на специальных социально-психологических закономерностях уголовного права.

В связи с этим в работе выделены общие (ассоциаций, восприятия и усвоения, инертности мышления, стереотипизации, оптимальной мотивации) и специальные социально-психологические закономерности (психосоциального воздействия уголовно-правовых запретов и наказаний, мотивационной сферы, объема и репрессивности уголовно-правового воздействия). Анализ этих закономерностей применительно к содержанию современного уголовно-правового воздействия позволяет охарактеризовать его как избыточное и чрезмерно сложное, а, следовательно, в известной степени нерелевантное в общественном сознании для регулирования поведения индивидуумов.

Список источников

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2001. 384 с.
2. Бабаев М., Пудовочкин Ю. «Мертвые» нормы в Уголовном кодексе: проблемы и решения. Уголовное право. 2010. № 6. С. 4–10.
3. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Репрессивное решение социальных проблем: причины и последствия // Российский криминологический журнал. 2016. № 3. С. 419–430.
4. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Российская уголовная политика XXI века.: М.: Юрлитинформ, 2020. 200 с.
5. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Фикции в уголовной политике // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 2. С. 72–87.
6. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. Пер. с итал. М.: Норма, 2004. 184 с.
7. Бибик О.Н. Культурное измерение уголовно-правовых и криминологических исследований: теоретические и практические аспекты: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 411 с.
8. Бибик О.Н. Уголовное право и культурно-историческая психология: точки соприкосновения // Российский юридический журнал. 2015. № 4. С. 38–49.
9. Братусь Б.С. (ред.) Общая психология. В 7 тт. Том 1. Введение в психологию. М.: Академия, 2005. 352 с.
10. Виноградов В.А., Ларичев А.А. Индекс этичности права как прикладной инструмент оценки соотношения права и морали // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Том 15. № 5. С. 4–23.
11. Воронин В.Н. Социология уголовного права: методы изучения общественного мнения и их интерпретация в уголовно-правовом исследовании. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. N 10. С.28–36.
12. Вундт В. Психология народов. Пер. с нем. М.: Эксмо, 2002. 861 с.
13. Гальперин И.М. Социальные изменения и содержание наказания. Планирование мер борьбы с преступностью. М.: ИГПАН, 1982. С. 94–99.

14. Генрих Н.В. Мораль и основания криминализации. Журнал российского права. 2023. № 3. С. 69–81.
15. Ефремова Г.Х., Ратинов А.Р. Правовая психология и преступное поведение. Теория и методология исследования. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 256 с.
16. Капинус О.С. Криминализация и декриминализация деяний: поиск оптимального баланса. Общественные науки и современность. 2018. № 4. С. 37–46.
17. Караваева Ю.С. «Мертвые» специальные нормы уголовного закона как критерий избыточной (неоправданной) его специализации // Правоведение. 2022. № 1. С. 69–79.
18. Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М.: Наука, 1983. 183 с.
19. Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия // Российский криминологический взгляд. 2011. № 1. С. 277–294.
20. Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия: дис... д.ю.н. М., 1985. 440 с.
21. Козаченко И.Я. Закон идеологии и идеология уголовного закона // Российский юридический журнал. 2008. № 4. С. 23–27.
22. Комлев Ю.Ю. Теория стигматизации: генезис, объяснительный потенциал, значение // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 2. С. 6–14.
23. Коробеев А.И. Российская уголовно-правовая политика: от генезиса до кризиса. М.: Юрлитинформ, 2019. 352 с.
24. Ланге Н.Н. Психологические исследования. Закон перцепций. Теория волевого внимания. 1893. 296 с.
25. Липпман У. Общественное мнение. Пер. с англ. М.: Фонд «Общественное мнение», 2004. 382 с.
26. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 439 с.
27. Лопашенко Н.А. Об уголовном наказании в России: заметки на полях Уголовного кодекса (от настоящего к будущему). Закон. 2021. № 12. С. 33–48.
28. Наумов А.В. Реализация уголовного права и деятельность следователя. Волгоград: МВД СССР, 1983. 84 с.
29. Немов Р.С. Психологический словарь. Москва: ВЛАДОС, 2007. 559 с.
30. Осипов Г.В. (ред.) Российская социологическая энциклопедия. М.: НОРМА, 1998, 664 с.
31. Пудовочкин Ю.Е. (ред.) Ошибки в квалификации преступлений:. М.: РГУП, 2020. 424 с.
32. Пудовочкин Ю.Е., Бавсун М.В. Постмодерн идей и уголовно-правовое воздействие: к постановке проблемы // Вестник Нижегородской академии МВД России, 2018. № 1. С.181–189.
33. Рагимов И.М. О нравственности наказания. СПб.: Юридический центр, 2016. 221 с.
34. Рарог А.И. Соотношение интересов личности и государства в уголовном праве Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 2. С. 298–304.

35. Скрипченко Н.Ю. «Уголовный проступок»: наказать нельзя освободить (анализ проекта федерального закона, одобренного Пленумом Верховного Суда РФ 31.10. 2017) // Журнал российского права. 2018. № 10. С. 85–90.
36. Сорокин П. Законы развития наказания с точки зрения психологической теории права Л.И. Петражицкого. В кн.: Новые идеи в правоведении: Эволюция преступлений и наказаний. СПб.: Образование, 1914. С. 113–151.
37. Суходольская Н.П. Социальный стереотип в жизнедеятельности людей: дис ... к.ф.н. М., 2009. 168 с.
38. Тихомиров Ю.А., Субанова Н.В. (отв. ред.) Законность: теория и практика.: Москва: Контракт, 2017. 399 с.
39. Филяновский И.Г. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1970. 174 с.
40. Фресс П., Пиаже Ж. (ред.) Оптимум мотивации. Экспериментальная психология. Вып. 5. Пер. с франц. М.: Прогресс, 1975. С. 119–125.
41. Шаргородский М.Д. Избранные труды. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 657 с.

References

1. Andreeva G.M. (2001) Social psychology. Textbook. Moscow: Aspect Press, 384 p. (in Russ.)
2. Babaev M., Pudovochkin Yu. (2010) “Dead” norms in the Criminal Code: problems and solutions. *Ugolovnoe pravo*=Criminal Law, no. 6, pp. 4–10 (in Russ.)
3. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. (2016) Repressive solution of social problems: causes and consequences. *Rossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal*=Russian Journal of Criminology, vol. 10, no. 3, pp. 419–430 (in Russ.)
4. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. (2020) Russian criminal policy of the XXI century. Moscow: Yurlitinform, 200 p. (in Russ.)
5. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. (2023) Fictions in criminal policy. *Zhurnal rossiyskogo prava*=Journal of Russian Law, vol. 27, no. 2, pp. 72–87 (in Russ.)
6. Beccaria Ch. (2004) *About crimes and punishments*. Moscow: Infra-M, 184 p. (in Russ.)
7. Bibik O.N. (2017) Cultural dimension of criminal law and criminological research: theoretical and practical aspects. Moscow: Yurlitinform, 411 p. (in Russ.)
8. Bibik O.N. (2015) Criminal law and cultural-historical psychology: points of contact. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*=Russian Law Journal, no. 4, pp. 38–49 (in Russ.)
9. Bratus B. S. (ed.) (2005) General Psychology. Vol. 1. Introduction to Psychology. A textbook. Moscow: Academy, 352 p. (in Russ.)
10. Efremova G.H., Ratinov A.R. (1988) *Legal psychology and criminal behavior. Theory and methodology of research*. Krasnoyarsk: University, 256 p. (in Russ.)
11. Filanovsky I.G. (1970) *Socio-psychological attitude of the subject to crime*. Leningrad: University, 174 p. (in Russ.)
12. Fress P., Piaget J. (ed.) (1975) Optimum motivation. Experimental psychology. Moscow: Progress, pp. 119–125 (in Russ.)
13. Galperin I.M. (1982) Social changes and the content of punishment. Planning measures to combat crime. Moscow: IGPAN, pp. 94–99 (in Russ.)

14. Henrikh N.V. (2023) Morality and the grounds of criminalization. *Zhurnal rossijskogo prava*=Journal of Russian Law, vol. 27, no. 3, pp. 69–81 (in Russ.)
15. Kapinus O.S. (2018) Criminalization and decriminalization of acts: the search for an optimal balance. *Obshchestvenny'e nauki i sovremennost*=Social sciences and modernity, no. 4, pp. 37–46 (in Russ.)
16. Karavaeva Yu. S. (2022) “Dead” special norms of the criminal law as a criterion of excessive (unjustified) specialization. *Pravovedenie*=Jurisprudence, no. 1, pp. 69–79 (in Russ.)
17. Kogan V.M. (1983) Social mechanism of criminal legal impact. Moscow: Nauka, 183 p. (in Russ.)
18. Kogan V.M. (1985) Social mechanism of criminal legal impact. Dis. ... doct. jurid. sciences' Moscow, 440 p. (in Russ.)
19. Kogan V.M. (2011) Social mechanism of criminal legal impact. *Rossiiskij kriminologicheskij vzglyad*=Russian criminological view, no. 1, pp. 277–294 (in Russ.)
20. Komlev Yu.Yu. (2016) Theory of stigmatization: genesis, explanatory potential, meaning. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*=Bulletin of the Kazan Law Institute of Internal Ministry, no. 2, pp. 6–14 (in Russ.)
21. Korobeev A.I. (2019) *The Russian criminal law policy: from genesis to crisis*. Moscow: Yurлитinform, 352 p. (in Russ.)
22. Kozachenko I.Y. (2008) The law of ideology and the ideology of criminal law. *Rossiiskiy yuridicheskij zhurnal*=Russian Law Journal, no. 4, pp. 23–27 (in Russ.)
23. Lange N.N. (1893) Psychological research. The law of perceptions. Theory of volitional attention. S.L., 296 p. (in Russ.)
24. Lippman U. (2004) Public opinion. Moscow: Obschstvennoe mnenie, 382 p. (in Russ.)
25. Lomov B.F. (1984) Methodological and theoretical problems of psychology. Moscow: Nauka, 439 p. (in Russ.)
26. Lopashenko N.A. (2021) On criminal punishment in Russia: notes on the margins of the Criminal Code (from the present to the future). *Zakon*=Law, no. 12, pp. 33–48 (in Russ.)
27. Naumov A.V. (1983) The implementation of criminal law and activities of investigator. A manual. Volgograd: Ministry of Internal, 84 p. (in Russ.)
28. Nemov R. S. (2007) Psychological dictionary. Moscow: VLADOS, 559 p. (in Russ.)
29. Osipov G.V. (ed.) (1998) Russian Sociological Encyclopedia. Moscow: Norma, 664 p. (in Russ.)
30. Pudovochkin Yu. E. (ed.) (2020) Errors in the qualification of crimes. Moscow: Russian University of Justice, 424 p. (in Russ.)
31. Pudovochkin Yu. E., Bavsun M.V. (2018) Postmodern ideas and criminal legal impact: a problem statement. *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*=Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of Internal Ministry, no. 1, pp. 181–189 (in Russ.)
32. Ragimov I. M. (2016) *On the morality of punishment*. Saint Petersburg: Juridical Center Press, 221 p. (in Russ.)
33. Rarog A.I. (2020) Correlation of interests of the individual and the state in the criminal law of the Russian Federation. *Vserossiiskiy kriminologicheskij zhurnal*=Russian Criminological Journal, no. 2, pp. 298–304 (in Russ.)
34. Shargorodsky M.D. (2004) Selected works. Saint Petersburg: Juridical Center Press, 657 p. (in Russ.)

35. Skripchenko N. Yu. (2018) "Criminal offense": it is impossible to punish to release (analysis of the draft approved by Plenum of Supreme Court of the Russia on October 31, 2017). *Zhurnal rossiyskogo prava*=Journal of Russian Law, no. 10, pp. 85–90 (in Russ.)
36. Sorokin P. (1914) Laws of development of punishment from view of the psychological theory of L.I. Petrazhitsky. In: New ideas in jurisprudence: The evolution of crimes and punishments. Saint Petersburg: Obrazovanie, pp. 113–151 (in Russ.)
37. Sukhodolskaya N.P. (2009) Social stereotype in the life of people. Candidate of Philosophical Sciences Thesis. Moscow, 168 p. (in Russ.)
38. Tikhomirov Yu.A., Subanova N. V. (eds.) (2017) Legality: theory and practice. Moscow: Contract, 399 p. (in Russ.)
39. Vinogradov V.A., Larichev A.A. (2022) The index of ethics of law as an applied tool for assessing the relationship between law and morality. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*=Law. Journal of the Higher School of Economics, vol.15, no. 5, pp. 4–23 (in Russ.)
40. Voronin V.N. (2022) Sociology of criminal law: methods of studying public opinion and their interpretation in criminal law research. *Vestnik Universiteta Kutafina (MGYuA)*=Bulletin of the Kutafin University, no, 10, pp. 28–36 (in Russ.)
41. Wundt V. (2002) *Psychology of peoples*. Moscow: Eksmo, 861 p. (in Russ.)

Информация об авторе:

В.К. Андрианов — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

V.K. Andrianov — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 09.03.2023; одобрена после рецензирования 11.10.2023; принята к публикации 11.12.2023.

The article was submitted to editorial office 09.03.2023; approved after reviewing 11.10.2023; accepted for publication 11.12.2023.